

Вестник ТвГУ. Серия «История». 2016. № 2. С. 4–23.

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(47)''17''''18''-058.222+055.26_52

МАТЕРИНСТВО В ПОСЛЕБРАЧНЫЙ ПЕРИОД: РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ РОССИЙСКИХ ДВОРЯНОК¹

А. В. Белова

Тверской государственной университет, кафедра всеобщей истории,
г. Тверь, Россия

Статья посвящена неизученной проблеме материнства в послебрачный период как стратегии осознанного репродуктивного поведения и повседневной жизни российских дворянок в XVIII – середине XIX в. На основе исследования архивных материалов, неопубликованных и опубликованных источников личного происхождения, публицистических и литературных текстов анализируются мотивы и перспективы сознательного отказа от повторного замужества в условиях отсутствия контрацепции. Особое внимание уделяется вопросу взаимосвязи отказа от репродукции, исполнения материнских обязанностей в отношении детей от первого брака и традиционных ценностных ориентаций дворянок. Методологические подходы истории повседневности и гендерной истории позволили по-новому осмыслить влияние коллективных моральных установок на индивидуальные системы ценностей знатных россиянок и реализацию ими собственного способа контроля над рождаемостью, который не вызывал общественного осуждения. В заключении делается вывод о том, что избегание повторного замужества и сексуального общения заменялось материнскими, экономическими и религиозными приоритетами.

Ключевые слова: материнство, репродуктивное поведение, репродуктивная культура, послебрачный период, история повседневности, женская повседневность, женская история, гендер, российские дворянки.

Изучение отечественной системы репродуктивных отношений и практик, осмысление исторически сложившихся способов и моделей реализации и восприятия материнства представляют чрезвычайно актуальную и перспективную область современных историко-этнологических исследований, образующую междисциплинарное единство с социальной историей медицины. Важно понять не только общественно-исторический контекст одобряемого репродуктивного поведения, но и устойчивые формы материнского опыта, воспроизводимого из поколения в поколение в повседнев-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Репродуктивное поведение, родильные и акушерские практики в России XVI–XXI вв.: медико-антропологический и историко-этнологический анализ», проект № 16-01-00136.

ной жизни женщин разных социальных категорий. В условиях, когда беременность не являлась в большинстве случаев осознанным индивидуальным выбором, материнство в законном браке тем не менее сохраняло высокий ценностный статус не только в общественном мнении, но и в сознании самих женщин. Даже если матери-дворянки принимали недостаточное участие в непосредственном уходе за младенцами и малолетними детьми, их вклад в социализацию может быть оценен по достоинству.

Вместе с тем материнская роль в России не исчерпывалась возрастом совершеннолетия детей. Для многих дворянок воспитание имеющегося потомства и экономическая деятельность по созданию его благосостояния становилась главной стратегией повседневной жизни, одновременно мотивом избежать повторного вступления в брак и новых беременностей, неизменно с ним сопряжённых. Последнее означает собственный выбор модели репродуктивного поведения, ориентированного на сознательный отказ от репродукции и известного в современных обществах как течение *childfree* (от англ. свобода от детей). Поскольку такую жизненную стратегию нельзя было реализовать изначально (общество осуждало безбрачие, особенно женщин, получавших уничижительное прозвище «старой девы»), это становилось возможным только после первого замужества. Отказываясь от повторного брака в условиях отсутствия контрацепции и сосредотачиваясь на материнских обязанностях в отношении детей от первого брака, дворянки изобрели и реализовывали собственный способ контроля над рождаемостью, который не вызывал общественного осуждения, поскольку обосновывался санкцией религиозного благочестия.

Цель данной статьи – понять мотивы и перспективы материнства в послебрачный период как стратегии осознанного репродуктивного поведения и повседневной жизни российских дворянок.

Источники показывают, что в российской дворянской среде XVIII – середины XIX в. мужчины чаще вступали в повторный брак, чем женщины. Такая же закономерность выявлена и в отношении Западной Европы раннего нового времени (XVI–XVII вв.)².

Авдотья Степановна Мордвинова, урождённая Ушакова (1677–1752), пробыв в браке всего 9 месяцев – с февраля по ноябрь 1700 г. – и оставшись после смерти мужа, убитого под Нарвой, вдовой в 23 года с одним ребёнком, не вступила во второй брак. Правнучка-мемуаристка объясняла её выбор тем, что она «посвятила свою жизнь воспитанию сына»³. Примеры подобного женского самоотречения встречаются на протяжении всего

² Ретина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998. С. 166.

Ретина Л. П., «*Novaja istoričeskaja nauka*» i *social'naja istorija*, М., 1998, S. 166.

³ Мордвинова Н. Н. Воспоминания об адмирале Николае Семеновиче Мордвинове и о семействе его (Записки его дочери) // Записки и воспоминания русских женщин XVIII – первой половины XIX века / сост., автор вступ. ст. и коммент. Г. Н. Моисеева. М., 1990. С. 391.

Mordvinova N. N., *Vospominanija ob admirale Nikolae Semenoviče Mordvinove i o semejstve ego (Zapiski ego dočeri)*, Zapiski i vospominanija russkih ženshhin XVIII – pervoj poloviny XIX veka, sost., avtor vstup. st. i komment. G. N. Moiseeva, M., 1990, S. 391.

исследуемого периода. Распространенность манкирующего отношения российских дворянок к повторному браку позволила в начале XX в. религиозному писателю С. А. Нилусу вывести особый «тип матерей и хозяек», строивших имущественное благополучие детей и не искавших для себя личного счастья⁴. Реальные мотивы отказа от нового замужества практически никогда «не проговаривались» в источниках, тем не менее можно назвать некоторые из них, иногда взаимно исключающие друг друга: представление о религиозном благочестии, в соответствии с которым вдовство для женщины предпочтительнее повторного вступления в брак; высокая ценность материнства, особенно при наличии единственного ребенка; сохранявшаяся эмоциональная привязанность, любовь к первому мужу; нежелание терять обретенную самостоятельность и экономическую независимость; наоборот, отсутствие предложений о браке ввиду финансовой несостоятельности вдовы. Следствием того, что по одной из этих причин женщина не хотела или не могла второй раз выходить замуж, была особая сосредоточенность ее на материнстве и материнских обязанностях.

Вместе с тем позднее та же А. С. Мордвинова настояла на повторном браке своего единственного сына, Семёна Ивановича, вступившего в него, по словам мемуаристки, именно «по желанию матери»⁵. Это её «желание» можно объяснить следующими мотивами: отсутствием у него к тому времени детей-наследников (двое его детей от первого брака умерли в младенчестве); стремлением, под влиянием собственного 52-летнего опыта вдовства, избавить его от этого состояния; добиться определенности в его жизни через устройство супружества в связи с ощущением ею приближавшейся кончины; бытовавшим представлением о том, что овдовевшему мужчине, в отличие от женщины, предпочтительнее состоять в новом браке. Стремление женить взрослого сына также служило реализацией материнской роли и воплощением репродуктивной заботы о продолжении дворянского рода, предотвратить угасание которого считалось важным этическим требованием на протяжении всего имперского периода.

Разница в возрасте между супругами в первой половине XVIII в., даже если для обоих или только для мужчины это был повторный брак, могла быть существенной – от 18 лет (как у родителей Н. Б. Долгоруковой⁶) до 35 (как у Семёна Ивановича Мордвинова и его второй жены Натальи Ивановны Еремеевой⁷). Продолжительность вдовства мужчины в тече-

⁴ Нилус С. Великое в малом: записки православного. Репринт. воспр. изд. 1911 г. 1992. С. 107.

Nilus S., *Velikoe v malom: zapiski pravoslavnogo*, Reprint. vospr. izd. 1911 g. izd. 1992. S. 107.

⁵ Мордвинова Н. Н. Указ. соч. С. 392.

Mordvinova N. N., *Op. cit.*, S. 392.

⁶ См.: Моисеева Г. Н. Комментарии // Записки и воспоминания русских женщин... С. 450.

Moiseeva G. N., *Kommentarii, Zapiski i vospominaniya russkih zhenshhin...* S. 450.

⁷ Мордвинова Н. Н. Указ. соч. С. 392.

Mordvinova N. N., *Op. cit.*, S. 392.

ние двух лет⁸ считалась вполне достаточной. Хотя бывали случаи и поспешной повторной женитьбы. Тем не менее необходимость соблюдения светского этикета побуждала в середине XIX в. некоторых мужчин идти вразрез с собственными устремлениями. Н. Н. Пушкина-Ланская проясняла в письме к мужу мотивацию Густава Фризенгофа, чиновника австрийского посольства в Петербурге, который после смерти первой жены, Н. И. Загряжской, сделал предложение А. Н. Гончаровой, но вынужден был, вопреки своему желанию, скрывать это до окончания официального «годового срока» траура⁹.

В начале XVIII в., как, впрочем, и вплоть до середины XIX в., по существовавшим обычаям всё-таки именно мужская инициатива должна была быть первичной при заключении брака. Тем не менее известны примеры, когда пожилые женщины не только сами инициировали своё повторное замужество, но и выбирали более или совсем молодого партнера. Так, Д. И. Фонвизин, характеризуя достоинства своего родителя, описал экстравагантную историю его первой женитьбы, мотивом которой стало стремление оплатить долги родного брата: «Одна вдова, старуха близ семидесяти лет, влюбилась в него и обещала, ежели на ней женится, искупить именем своим брата его. Отец мой [...] женился на той старухе, будучи сам осьмнадцати лет. Она жила с ним ещё двенадцать лет. И отец мой старался об успокоении её старости, как должно христианину»¹⁰. Данный эпизод показывает, что пожилые состоятельные вдовы обладали социальными возможностями, необходимыми для самостоятельного устройства личной жизни по своему выбору и в соответствии с собственными эмоциональными предпочтениями. Помимо того, что 70-летней женщине удалось материально заинтересовать в браке юношу, более чем на 50 лет моложе себя, она так или иначе пыталась реализовать свой ресурс сексуальности, в которой принято было отказывать представительницам женского пола, вышедшим из репродуктивного возраста. Д. И. Фонвизин, заявивший о себе как о преемнике («подражателе») Ж.-Ж. Руссо, положившего своей «Исповедью» начало особому виду в системе исторических источников нового времени¹¹, и стремившийся, в свою очередь, в целях «раскаяния христиан-

⁸ Мордвинова Н. Н. Указ. соч. С. 392.

Mordvinova N. N., *Op. cit.*, S. 392.

⁹ Письмо Н. Н. Пушкиной-Ланской к П. П. Ланскому от 13/25 июля 1851 г. // Наше наследие. 1990. № III (15). С. 105.

Pis'mo N. N., *Pushkinov-Lanskoj k P.P. Lanskomu ot 13/25 ijulja 1851 g.*, *Nashe nasledie*, 1990, № III (15), S. 105.

¹⁰ Фонвизин Д. Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях // Русская литература XVIII века. I / сост., коммент. А. Р. Курилкина, М. Л. Майофис; предисл. А. Л. Зорина. М., 2004. С. 566.

Fonvizin D., *Chistoserdechnoe priznanie v delah moih i pomyslenijah*, *Russkaja literatura XVIII veka*, I, sost., komment. A. R. Kurilkina, M. L. Majofis; predisl. A. L. Zorina, M., 2004, S. 566.

¹¹ Данилевский И. Н., Кабанов В. В., Медушевская О. М., Румянцева М. Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М., 1998. С. 486–487.

ского» «чистосердечно открыть тайны сердца»¹², достаточно откровенно изложил пикантные подробности не только собственной жизни, но и своего ближайшего родственного окружения, пытаясь тем не менее эвфемистически закамouflировать сексуальный аспект взаимоотношений столь разновозрастных супругов – своего будущего отца и его пожилой первой жены. Для последней, вышедшей из возраста фертильности, «поздний» брак уже не был связан с репродуктивным поведением. Её молодой супруг смог обзавестись потомством, только женившись повторно после её смерти.

История женского вдовства – один из аспектов изучения возрастной антропологии и истории репродуктивной культуры россиянок. Пользуясь биографическим методом и методом реконструкции «сетей влияния», можно на примере индивидуальной биографии выявить содержание паттерна материнства в послебрачный период как стратегии осознанного репродуктивного поведения и повседневной жизни российских дворянок. Избегание вторичного замужества и погружение в материнские заботы об уже рожденных детях при сохранении фертильности следует интерпретировать как сознательно избранную стратегию ограничения рождаемости. Это тем более очевидно на фоне иных примеров повторного вступления в брак дворянок, не обретших личного счастья в первом замужестве.

Елизавета Николаевна Лихачева, урождённая Гурьева, дворянка Кашинского уезда Тверской губернии, состояла в браке с гвардии поручиком Василием Ивановичем Лихачевым¹³, который был сыном полковника, а позднее статского советника Ивана Васильевича Лихачева и его жены Елизаветы Петровны Лихачевой¹⁴. Сам он дослужился к 17 июня 1782 г. до чина лейб-гвардии сержанта, а к 4 июля 1793 г. – гвардии подпоручика¹⁵. По сложившейся традиции, Елизавета Николаевна была моложе своего мужа. Исходя из того, что 26 мая 1803 г. она уже названа вдовой¹⁶, имевшей «малолетних» детей¹⁷, можно предположить, что её рождение пришлось на хронологический интервал 1770–1780-х гг., а замужество – на

Danilevskij I. N., Kabanov V. V., Medushevskaja O. M., Rumjanceva M. F., *Istochnikovedenie: Teorija. Istorija. Metod. Istochniki rossijskoj istorii*, М., 1998, S. 486–487.

¹² Фонвизин Д. Указ. соч. С. 564.

Fonvizin D., *Op. cit.*, S. 564.

¹³ Тверской государственный объединенный музей – Кашинский филиал (далее – ТГОМ – КАШФ). РККД. КОФ № 6324. Д. 4. Л. 1.

Tver State United Museum – branch in Kashin (TGOM – KASHF), RKKD, KOF № 6324, D. 4, L. 1.

¹⁴ Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. 1221. Оп. 1. Д. 99. Л. 5 об.

Tver State Region Archive (GATO), F. 1221, Op. 1, D. 99, L. 5 ob.

¹⁵ Там же. Л. 5 об., 6.

Ibid, L. 5 ob., 6.

¹⁶ ТГОМ – КАШФ. РККД. КОФ № 6324. Д. 4. Л. 1.

TGOM – KASHF, RKKD, KOF № 6324, D. 4, L. 1.

¹⁷ Там же. Л. 1 об.

Ibid, L. 1 ob.

1790-е гг. По утверждению М. Г. Муравьевой, происхождение «молодых вдов» объясняется именно разницей в возрасте с мужьями, особенно характерной для высших слоёв населения¹⁸. Несмотря на относительную молодость и обеспеченное материальное положение, Е. Н. Лихачева после смерти мужа не вступила во второй брак и, скорее всего, не сделала этого осознанно. С. А. Нилус, описывая судьбу другой женщины, её современницы, Марии Александровны, урождённой Дурасовой, матери симбирского и нижегородского помещика и симбирского совестного судьи, потомственного дворянина Николая Александровича Мотовилова (родился 3 мая 1809 г.), даёт исторически проницательное и точное объяснение подобному поведению многих провинциальных дворянок исследуемой эпохи, не искавших того, что принято называть личным счастьем. В его понимании «это личное счастье прежние матери искали и всегда находили прежде всего в Боге, в Его Святой Церкви и в домоводстве, заключавшем в себе воспитание детей и заботу о сохранении для них состояния»¹⁹. Религиозное благочестие создавало убедительное алиби тем дворянкам, которые не находили в себе сил и желания продолжать репродуктивные опыты.

Между тем религиозность выступала не только аберрацией сексуальности, но и составляла неотъемлемую часть нравственных ориентиров Е. Н. Лихачевой. 20 февраля 1817 г. в соответствии с духовным завещанием брата, И. Н. Гурьева, она дала вольную принадлежавшему ему при жизни дворовому человеку Егору Никитину, числившемуся, по данным 7-й ревизии (1815)²⁰, в селе Пасаткино Кашинского уезда Тверской губернии²¹. Село это перешло во владение к Елизавете Николаевне по наследству от покойного брата. Бывший дворовый человек Е. Никитин после освобождения его от крепостной зависимости намеревался принять монашество и с 18 октября 1818 г. пребывал в Арзамасской Высокогорской пустыни²². Однако обретение личной свободы не исключало его из числа представителей так называемого тяглого состояния и не снимало сопряжённой с этим обязанности несения государственных повинностей. Вместе с тем уже в XVIII в., говоря словами М. Т. Белявского, «были запрещены пострижение в монахи и возведение в церковные саны белого духовенства людей из тяглых

¹⁸ Муравьева М. Г. Вдовство // Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой. М., 2002. С. 16.

Murav'eva M. G., *Vdovstvo*, Slovar' gendernyh terminov, pod red. A. A. Denisovoy. M., 2002, S. 16.

¹⁹ Нилус С. Указ. соч. С. 107.

Nilus S., *Op. cit.*, S. 107.

²⁰ Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. (По материалам ревизий). М., 1971. С. 5.

Kabuzan V. M., *Izmeneniya v razmeshhenii naseleniya Rossii v XVIII – pervoj polovine XIX v. (Po materialam revizij)*, M., 1971, S. 5.

²¹ ГАТО. Ф. 1221. Оп. 1. Д. 91. Л. 1.

ГАТО, Ф. 1221, Оп. 1, Д. 91, Л. 1.

²² Там же.

Ibidem.

сословий»²³. Поэтому для того, чтобы бывший дворовый человек мог без препятственно принять монашество, выполнение податных функций вместо него взяла на себя сестра его прежнего помещика, дворянка Е. Н. Лихачева, о чем свидетельствовало подписанное ею 7 марта 1821 г. официальное обязательство: «... нежелая лишить его (Егора Никитина. – А. Б.) столь душе спасит<ел>ьнаго подвига, обязуюсь платить за него все Государственные Подати... Как доревизии так и После оной по Смерть Его Никитина...»²⁴. Подобный поступок, не представляющий для неё никакого практического интереса, был продиктован исключительно нравственными устремлениями.

В одном из писем после 1829 г. Елизавета Николаевна обращалась с назиданием к сыну, Петру Васильевичу Лихачеву, по поводу его отношения к религии, что вместе с тем позволяет судить о её собственном восприятии православия как главной опоры в жизни и своего рода духовного пристанища: «... большое было для меня утешением видеть что религия была твоим якорем (подчеркнуто автором. – А. Б.) упираясь на оной мы не упадем, а ежели и падем то не разбиемся...»²⁵. Присущей религиозностью во многом определялось и тщательное исполнение ею материнских обязанностей и попечительство об экономическом благосостоянии детей.

После смерти мужа именно забота о детях составляла главный видимый смысл повседневной жизни Е. Н. Лихачевой. Люди, знавшие её лично, даже усматривали в материнстве её жизненное призвание. В письме от 14 января 1818 г. княжна Прасковья Долгорукова, называвшая Елизавету Николаевну «сестрицей» (хотя они не были родными сестрами), пытаясь убедить её не пребывать в горестном расположении духа из-за болезни брата, советовала позаботиться о сохранении собственного здоровья и мотивировала это следующим образом: «... вы мать семейства, ваша жизнь драгоценна и нужна для ваших детей...»²⁶. Детей же у Е. Н. Лихачевой было четверо: три сына – Григорий, Иван, Петр и дочь Анна²⁷. Младших сыновей, даже, когда они повзрослели, она любовно называла «Ваничкой»²⁸ и «Петрушей»²⁹, а Григория – более сдержанно «Гришей»³⁰, вероятно пото-

²³ Белявский М. Т. Сословия и сословный строй // Очерки русской культуры XVIII века. М., 1987. Ч. 2. С. 35.

Beljavskej M. T., *Soslovija i soslovnyj stroj*, Očerki russoj kul'tury XVIII veka, M., 1987, Ch. 2, S. 35.

²⁴ ГАТО. Ф. 1221. Оп. 1. Д. 91. Л. 1.

ГАТО, Ф. 1221, Оп. 1, Д. 91, Л. 1.

²⁵ Там же. Д. 89. Л. 9.

ibid, D. 89, L. 9.

²⁶ Там же. Л. 3.

Ibid, L. 3.

²⁷ Там же. Д. 92. Л. 1.

Ibid, D. 92. L. 1.

²⁸ Там же. Д. 89. Л. 10.

Ibid, D. 89. L. 10.

²⁹ Там же. Л. 9.

Ibid, L. 9.

му, что он был не только старшим среди её детей, но и старшим мужчиной в семье. Количество выживших детей при условии раннего прекращения брака не составляет исключения по сравнению с большинством дворянских семей того времени. Также нередко бывало, что именно матери предстояло проявить хозяйственную сметливость и менеджерские качества в поддержании семейной экономики на должном уровне жизнеобеспечения, что вместе с тем освобождало её от выполнения репродуктивных «обязанностей».

В православной культурной традиции существовало представление об особой действенности материнской молитвы о детях. Согласно формуле Домостроя, «... матерья молитва от напастей избавит»³¹. Во время одного из военных походов сын Е. Н. Лихачевой, Пётр, оказался в опасной для жизни ситуации, после разрешения которой написал об этом матери. Её ответ сыну заключал в себе соединение материнского и православного дискурсов: «Милой друк мой Петруша. Писмо твоё или лутче сказать описание твоего похода я получила. Что тебе сказать о тех чувств кои волновали мою душу читая оно. Матерь Божия и Михаило Архангел тебя спасли. Призывай их всегда напомощь и оне тебя сохранят...»³². Далее в том же письме Елизавета Николаевна выражала переполнявшие её чувства радости и благодарности Богу: «... мои чувства и сердце так полно от радости что тебя Господь сохранил что я несилах етого выразить не знаю как Бога благодарить...»³³. Вслед за матерью к П. В. Лихачеву письменно обратились Д. Сиковнина и В. Шарапова. Судя по словам последней, Елизавета Николаевна горячо молилась о сохранении жизни сына и молитвы её были услышаны: «Благодарение Господу что он вас спас, и что вы существуете, подлинно ето Молитвы Маминьки вашей Господь вас сохранил...»³⁴. Молитвенное поведение становилось одним из способов действенного материнства, позволяющим трактовать его не в репродуктивном, а прежде всего в этическом смысле.

Материнское попечение Елизаветы Лихачевой о взрослых детях, как явствует из её письма к сыну Петру, проявлялось в беспокойстве об их физическом здоровье, в сопереживании их жизненным успехам, в частности служебным, в постоянном желании видеться с ними, в заботе о том, чтобы они имели достаточно материальных средств на свои повседневные расходы, в нравственном назидании, целью которого было уберечь их от пагубных пороков мотовства и пьянства, в стремлении к тому, чтобы собрать их дома всех вместе и тем самым дать возможность ощутить единство семьи, а также во всегдашнем старании вести как можно более рачительно их хо-

³⁰ ГАТО. Ф. 1221. Оп. 1. Д. 91. Л. 9.

ГАТО, Ф. 1221, Оп. 1, Д. 89, Л. 9.

³¹ Домострой. Древнерусский текст // Домострой. М., 1990. Гл. 22. С. 51.

Domostroj. Drevnerusskij tekst, Domostroj, M., 1990, Gl. 22, S. 51.

³² ГАТО. Ф. 1221. Оп. 1. Д. 89. Л. 9.

ГАТО, Ф. 1221, Оп. 1, Д. 89, Л. 9.

³³ Там же. Л. 10.

Ibid, L. 10.

³⁴ Там же. Л. 10 об.

Ibid, L. 10 ob.

зайтвенные дела³⁵. Последнее обстоятельство было связано с тем, что, находясь на военной службе, И. В. и П. В. Лихачевы, как и другие представители мужской части российского дворянства, фактически оказывались отстранены от управления принадлежавшими им имениями и не занимались, во всяком случае регулярно, экономической деятельностью.

Однако не только служебная занятость сыновей являлась причиной того, что Елизавете Николаевне приходилось брать на себя повседневные заботы об организации хозяйства семьи. Сразу после смерти мужа она оказалась во главе управления крупным имением, которое впоследствии должны были унаследовать её в то время ещё малолетние дети. Уже тогда её интересовало в первую очередь соблюдение экономических интересов детей и их будущее имущественное благосостояние.

Вместе с тем участие Е. Н. Лихачевой в делах управления хозяйством до момента достижения детьми совершеннолетия формально ограничивалось действовавшим в конце XVIII – середине XIX в. законодательством, в соответствии с которым сироты и вдовы дворянского происхождения должны были находиться под официальной опекой³⁶. Так, наблюдение за имуществом малолетних Лихачевых входило в компетенцию Кашинской дворянской опеки, куда 26 мая 1803 г. Елизавета Николаевна обратилась с просьбой, аналогичной по содержанию другой, представленной ею до этого на рассмотрение в Тверскую гражданскую палату, а именно о выделении ей указной части из состава имения, принадлежавшего ранее её мужу. Во владении В. И. Лихачева находились 999 душ, что позволяет относить его к категории крупнопоместных дворян. По закону вдова должна была получить помимо 1/4 части движимого 1/7 часть недвижимого имения мужа, что составляло в данном случае 149 душ мужского пола и 151 душу женского пола из числа дворовых людей и крестьян. Поскольку само имение было рассредоточено по разным уездам Тверской губернии, то и указную часть ей следовало выделять исходя из полагавшегося количества душ во всех населённых пунктах. Однако она пожелала вступить во владение только 100 душами из села Дьяково Кашинского уезда, мотивируя это тем, что имение детей находилось в исправном состоянии и не требовало дополнительных усилий по приведению его в должный порядок, а также боязнь быть заподозренной в стремлении к скорейшему разделу с детьми и получению причитающейся ей доли имущества мужа. Оставшуюся долю имения из полагавшегося ей по закону Елизавета Николаевна намеревалась оформить как свою собственность только по достижении детьми совершеннолетнего возраста³⁷.

³⁵ ГАТО. Ф. 1221. Оп. 1. Д. 89. Л. 9–10.

ГАТО, Ф. 1221, Оп. 1, Д. 89, Л. 9–10.

³⁶ *Цатурова М. К.* Русское семейное право XVI–XVIII вв. М., 1991. С. 57.

Saturova M. K., Russkoe semejnoe pravo XVI–XVIII vv., M., 1991, S. 57.

³⁷ ТГОМ – КАШФ. РККД. КОФ № 6324. Д. 4. Л. 1–1 об.

ТГОМ – KASHF, RKKD, KOF № 6324, D. 4, L. 1–1 ob.

Кашинская дворянская опека вынесла официальное заключение о том, что выделение вдове Лихачевой указной части в полном объёме «не толко к стороне малолетних детей её безобидно, но и весьма выгодно»³⁸. Добровольное же сокращение на известный срок размеров причитавшейся ей указной части должно было повлечь за собой общее увеличение количества поступавших в пользу детей доходов от имения, что расценивалось членами опеки как проявление материнской любви и заботы об их будущем благополучии. С учётом этого Кашинской дворянской опекой была принята резолюция о юридической обоснованности притязаний Елизаветы Николаевны, не ущемляющих имущественных интересов малолетних наследников имения³⁹. 30 мая 1803 г. в Тверскую гражданскую палату был направлен соответствующий рапорт, после чего дело об указной части вдовы Лихачевой должно было поступить к производству в Кашинский уездный суд⁴⁰.

Обстоятельства данного дела подлежат историко-культурному анализу не столько в имущественно-правовом, сколько в этическом плане. С юридической точки зрения выделение дворянке после смерти мужа указной части из состава принадлежавшего ему при жизни движимого и недвижимого имения является вполне традиционной, восходящей к нормам Соборного Уложения 1649 г., мерой обеспечения ей условного прожиточного минимума (не случайно в XVII в. употреблялись выражения «прожиточное поместье», «дать на прожиток»). Столь же привычным для российской дворянской социальной практики следует признать и тот факт, что указная часть вдовы, наряду с наследством, полученным от тех или иных кровных родственников, и приобретением, сделанным ею посредством покупки, была элементом её собственного имущества, которым она могла распоряжаться самостоятельно и участие в делах управления которым превращало её в экономически полноценную помещицу. Особого же комментария заслуживает, на мой взгляд, то, что Е. Н. Лихачева, имея официальное право вступить во владение предписанной ей по закону долей имения мужа в полном объёме, не стремилась к этому в условиях, когда это могло причинить ущерб будущему материальному благосостоянию её малолетних детей, и предпочитала разделу единство семейной собственности. Вероятно, выделение небольшого количества крестьян из каждого отдельного населенного поместья представлялось ей экономически нецелесообразным, а материнское попечение диктовало не нарушать по возможности целостность принадлежавшего детям имения, а вместе с тем и годами существовавший стабильный уклад хозяйственной жизни.

В дальнейшем недвижимая собственность Лихачевых продолжала оставаться неразделённой и находилась официально в их совместном вла-

³⁸ ТГОМ – КАШФ. РККД. КОФ № 6324. Д. 4. Л. 1 об.

ТГОМ – КАШФ, РККД, КОФ № 6324, Д. 4, Л. 1 об.

³⁹ Там же. Л. 1 об.–2.

Ibid, L. 1 ob.–2.

⁴⁰ Там же. Л. 2.

Ibid, L. 2.

дении. Вообще, в российской дворянской социальной практике раздел имущества между членами семьи обычно был приурочен к каким-то веховым событиям жизни, таким, как вступление в брак детей, смерть родителей. Причём формально родительское имение могло быть поделено между детьми в духовном завещании и до этого, однако фактически раздел производился лишь тогда, когда завещание вступало в силу. При этом следует помнить, что нормы единонаследия и создания майоратных владений, официальные попытки законодательного учреждения которых предпринимались в XVIII–XIX вв. по крайней мере дважды (в 1714 и 1845 г.), не приживались на российской почве. Дворянство с неизменным постоянством желало делить свои имения равномерно между всеми детьми, обеспечивая тем самым каждому из них более или менее стабильное имущественное положение. Вместе с тем дробление имений могло приводить к утрате ими экономической жизнеспособности, поэтому в реальной хозяйственной практике предпочтение отдавалось управлению единым нерасчлененным имуществом семьи до тех пор, пока обстоятельства позволяли это делать. Если во главе семьи стояла мать-вдова, то, как правило, именно она руководила организацией всего хозяйства в имении, не подлежавшем фактическому разделу до конца её жизни или до ее особого волеизъявления.

Проблема задолженности, ставшая одной из реалий владельческой практики провинциального дворянства конца XVIII – первой половины XIX в., не обошла и Е. Н. Лихачеву, имевшую недвижимую собственность и в личном владении, и в совместном владении с детьми. В обеспечение займа, сделанного 27 июля 1825 г. в Московском опекуном совете и составлявшего 47 тысяч рублей, ею было заложено имение, насчитывавшее 237 душ и включавшее в себя деревни Горбуново (42 души), Высоково (40 душ), Трубино (79 душ), село Лопково (27 душ), сельца Бяково (41 душа) и Софьино (8 душ) Кашинского уезда Тверской губернии⁴¹. 14 марта 1827 г. Тверской гражданской палатой были выданы четыре официальных свидетельства об имениях, принадлежавших Е. Н. Лихачевой и её детям: штабс-ротмистру Г. В. Лихачеву, штабс-ротмистру И. В. Лихачеву, прапорщику П. В. Лихачеву и А. В. Давыдовой, урожденной Лихачевой⁴². На основании одного из этих документов имение, состоявшее из деревень Вороново (107 душ), Бородино (36 душ), Абабково (55 душ) и Сухой ручей (67 душ) Новоторжского уезда Тверской губернии и насчитывавшее в совокупности 295 душ, было заложено в Санкт-Петербургском опекуном совете в результате произведенного 14 апреля 1827 г. займа в размере 56 тысяч рублей⁴³. Три других свидетельства об имениях, располагавшихся в Кашинском уезде Тверской губернии, одно – в деревнях Плечево (47 душ), Бузы-

⁴¹ ГАТО. Ф. 1221. Оп. 1. Д. 92. Л. 1.

ГАТО, Ф. 1221, Оп. 1, Д. 92, Л. 1.

⁴² Там же.

Ibidem.

⁴³ Там же. Л. 1–1 об.

Ibid, L. 1–1 ob.

ково (20 душ), Доможирово (16 душ), Покров (6 душ) и Ромашино (30 душ), другое – в сельце Устиново (134 души) и третье, – в селе Дьяково (51 душа) и деревнях Новинки (61 душа) и Высокое (2 души) и насчитывавших всего соответственно 119, 134 и 114 душ, по сведениям, которыми Тверская гражданская палата располагала к 18 марта 1829 г., не представлялись Лихачевыми в качестве формальных гарантий осуществления займов под заклад имущества⁴⁴.

Распространённость задолженности дворянства подтверждается и мужской художественной прозой исследуемого периода. Один из героев пушкинской повести «Барышня-крестьянка», Григорий Иванович Муромский, «промотав в Москве большую часть имения своего... уехал... в последнюю свою деревню... и в деревне находил способ входить в новые долги»⁴⁵. И хотя речь идёт о мужчине, не хозяйствовавшем рачительно, а растратившем состояние, живя в столице, и возвратившемся в имение, но не сумевшем наладить в нём экономически эффективный порядок вследствие присущей ему «англomanии», понятно, что этот образ репрезентирует в целом социокультурную ситуацию в отношении задолженности представителей как мужской, так и женской части дворянства. О «желании» провинциальных русских помещиков «подражать по возможности английским лордам» свидетельствовала также мемуаристка А. Я. Панаева (Головачева)⁴⁶. Разумеется, далеко не все дворяне, а тем более дворянки «проматывали» свои недвижимые владения. Напротив, многие из них, особенно жившие в провинции, стремились приумножить собственные состояния, пытаясь вести рентабельное хозяйство, обеспечивающее более или менее стабильный доход. Однако в действительности им это не всегда удавалось, и потому они входили в долги с тем, чтобы получить дополнительные средства либо для вложения в имения с целью повышения доходности, либо для обеспечения себе привычного уровня материального благосостояния. Литературный дискурс репрезентировал опыт закладывания имений в опекунский совет на рубеже XVIII–XIX вв. как еще только входивший в социальную практику и общественное сознание провинциального дворянства, как «оборот, казавшийся в то время чрезвычайно сложным и смелым»⁴⁷. Но уже в течение нескольких последующих десятилетий этот опыт настолько укоренился и по-

⁴⁴ ГАТО. Ф. 1221. Оп. 1. Д. 92. Л. 1 об.

ГАТО, Ф. 1221, Оп. 1, Д. 92, Л. 1 об.

⁴⁵ Пушкин А. С. Барышня-крестьянка // Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10 т. М., 1975. Т. 5. С. 83.

Pushkin A. S., *Baryshnja-krest'janka*, Pushkin A. S., *Sobr. soch.*, v 10 t., M., 1975, T. 5, S. 83.

⁴⁶ Панаева А. Я. (Головачева) Воспоминания / под общ. ред.: В. В. Григоренко и др. М., 1972. С. 75.

Panaeva A. Ja. (Golovacheva), *Vospominanija*, pod obshh. red. V. V. Grigorenko, M., 1972, S. 75.

⁴⁷ Пушкин А. С. Указ. соч. С. 83.

Pushkin A. S., *Op. cit.*, S. 83.

лучил такое широкое распространение, что воспринимался практически неизбежным условием нормативного ведения хозяйственной деятельности.

В первой половине XIX в. даже крупным помещицам, таким, как Е. Н. Лихачева, не удавалось отыскать оптимальных способов хозяйствования, позволявших избежать вхождения в долги. Для погашения задолженности приходилось обращаться к другим видам предпринимательской активности, доходы от которых были более высокими. Так, Елизавета Николаевна распоряжалась делами двух принадлежавших Лихачевым винокуренных заводов в Ярославской губернии, а также питейных сборов, продолжая тем не менее интересоваться покупкой имений⁴⁸, хозяйственное освоение которых относилось к традиционной сфере повседневных занятий провинциальных дворянок.

Конкретизируя экономическую сторону повседневной активности вдовы Лихачевой, следует подчеркнуть её главенствующую роль в определении стратегии ведения общесемейного хозяйства. Руководя обширным хозяйственным образованием, рассредоточенным в 20-е гг. XIX в. не только по разным уездам, но и по разным губерниям, она бдительно следила за действиями управляющих, регулярно предоставлявших ей письменные отчеты о состоянии текущих дел. На основании поступавших сведений информировала сыновей о финансовом положении семьи. При этом сама, как видно из письма к сыну Петру, с большим недоверием относилась к доставляемым сводкам наличного капитала, что, впрочем, не мешало ей положительно отзываться о том или ином управляющем: «... из бумаг ты увидишь моего капитала, но я ничему неверю большая часть на бумаге. Я написала это в мое правление, кажется Юрьев (подчеркнуто автором. – А. Б.) хорош что Бог даст в перед»⁴⁹.

Попечение Е. Н. Лихачевой о сохранении экономической жизнеспособности имения выражалось в том числе в непрерывной переписке с управляющими, отчитывавшимися ей о ходе дел во вверенных им поместьях. Отдавая практические распоряжения по наиболее оптимальному, с её точки зрения, ведению хозяйства, она осуществляла учёт доходов и расходов, следя за тем, чтобы их соотношение не свидетельствовало о снижении общего уровня рентабельности семейных владений. Особой доскональностью отличалась её переписка с управляющим Дмитрием Юрьевым (или Юргеневым⁵⁰), который, например, 17 августа 1829 г. из села Сосновец Ярославской губернии сообщал о покупке 12 тысяч кулей хлеба для двух принадлежавших Лихачевым винокуренных заводов, о сроках и способах доставки этого хлеба в Рыбинск, о «ходе дел питейных сборов» и о представлении соответствующих ведомостей за 1828 и 1829 гг., а также об от-

⁴⁸ ГАТО. Ф. 1221. Оп. 1. Д. 89. Л. 1, 2, 2 об.

ГАТО, Ф. 1221, Оп. 1, Д. 89, Л. 1, 2, 2 об.

⁴⁹ Там же. Л. 10 об.

Ibid, L. 10 ob.

⁵⁰ Там же. Л. 2 об.

Ibid, L. 2 ob.

правке ей «поленики – ягодного растения с корнями для посадки»⁵¹. В этом же письме он обрисовывал ситуацию с хлебом, необходимым, по его мнению, для «полного винокурения»⁵²: кроме оставшихся с прошлого года 6 тысяч 500 кулей и кроме вновь купленных 12 тысяч кулей нужно было приобрести ещё 3 тысячи⁵³. По словам управляющего, хлеб в тот момент в Рыбинске стоил 6 рублей 50 копеек за один куль, что считалось им приемлемой ценой, почему он и спрашивал у Елизаветы Николаевны разрешение на продолжение закупки хлеба, не дожидаясь приезда Г. В. Лихачева⁵⁴, который, по-видимому, вышел в отставку до 1829 г. и в это время уже принимал непосредственное участие в хозяйственной жизни семьи. При этом управляющий приводил свои доводы, подтверждавшие, что откладывание приобретения необходимого хлеба до октября, когда должен был возвратиться Григорий Васильевич, грозило увеличением стоимости его транспортировки на заводы, поскольку доставить его водным путём из Рыбинска в деревню Ворону будет уже невозможно⁵⁵. Пример этой переписки свидетельствует о том, насколько детально провинциальная дворянка вникала во все подробности хозяйственной жизни и какова была мера её руководящей компетенции. В женской «деловой хватке» и умении отстаивать свои экономические интересы не позволяют усомниться и письма более раннего периода⁵⁶.

Немаловажное значение для характеристики образа жизни дворянки в послебрачный период имеет реконструкция социальной коммуникации повседневности, совокупности родственных и дружеских связей и соответ-

⁵¹ ГАТО. Ф. 1221. Оп. 1. Д. 89. Л. 1.

Ibid, L. 1.

⁵² Там же. Л. 2.

Ibid, L. 2.

⁵³ Там же.

Ibidem.

⁵⁴ Там же.

Ibidem.

⁵⁵ Там же. Л. 2–2 об.

Ibid, L. 2–2 ob.

⁵⁶ См., напр.: Письмо А. Барыковой к И. П. Чулкову от 7 мая 1778 г. // Памятники московской деловой письменности XVIII века / изд. подгот. А. И. Сумкина; под ред. С. И. Коткова. М., 1981. (далее: ПМ XVIII). № 13. С. 19; Письмо А. Барыковой к И. П. Чулкову от 28 ноября 1778 г. // ПМ XVIII. № 14. С. 19–20; Письмо А. Барыковой к И. П. Чулкову от 4 февраля 1779 г. // ПМ XVIII. № 15. С. 20; Письмо А. Барыковой к И. П. Чулкову от 14 февраля 1779 г. // ПМ XVIII. № 16. С. 20–21; Письмо А. Барыковой к И. П. Чулкову от 6 мая 1779 г. // ПМ XVIII. № 17. С. 21; Письмо А. Барыковой к И. П. Чулкову от [1779] г. // ПМ XVIII. № 18. С. 21.

Pis'mo A. Barykovej k I.P. Chulkovu ot 7 maja 1778 g., Pamjatniki moskovskoj delovoj pis'mennosti XVIII veka, izd. podgot. A. I. Sumkina, pod red. S. I. Kotkova, M., 1981, (dalee: PM XVIII), № 13, S. 19; *Pis'mo A. Barykovej k I.P. Chulkovu ot 28 nojabrja 1778 g.*, PM XVIII, № 14, S. 19–20; *Pis'mo A. Barykovej k I.P. Chulkovu ot 4 fevralja 1779 g.*, PM XVIII, № 15, S. 20; *Pis'mo A. Barykovej k I.P. Chulkovu ot 14 fevralja 1779 g.*, PM XVIII, № 16, S. 20–21; *Pis'mo A. Barykovej k I.P. Chulkovu ot 6 maja 1779 g.*, PM XVIII, № 17, S. 21; *Pis'mo A. Barykovej k I.P. Chulkovu ot [1779] g.*, PM XVIII, № 18, S. 21.

ственно «сетей влияния» пожилых провинциальных дворянок. Так, в письме от 14 января 1818 г. княжна Прасковья Долгорукова отмечала особую привязанность Елизаветы Лихачевой к своим родным: «С сердечным прискорбием узнала я о болезни братца вашего, и зная ваше сердце и привязанность вашу к родным чувствую ваше грустное положение...»⁵⁷. По мнению княжны, эта привязанность, как и чувства, испытывавшиеся Елизаветой Николаевной к друзьям и знакомым, объяснялись ее исключительным добросердечием: «... одно мне утешение остается то, что зная ваше доброе и чувствительное сердце надеюсь, что гдебы вы ни были вы меня не забудете и прошу вас, чтоб вы ко мне сохранили то благорасположение которым я пользовалась с начала нашего знакомства...»⁵⁸. Самой Прасковье Долгоруковой Елизавета Лихачева одалживала деньги⁵⁹, предоставляя затем отсрочку платежа и отказываясь при этом от получения процентов⁶⁰, хотя в конце XVIII – первой половине XIX в. многие дворяне не стеснялись ссужать деньги под проценты⁶¹.

Дополнением к анализу материнского попечения Е. Н. Лихачевой о детях служит своего рода самооценка её отношения к сыну, выраженная в том, как она подписывала письма: «... мать и друк твой Е. Лихачева»⁶². Вербализация стремления наряду с родственными узами быть соединённой с сыном ещё и дружескими чувствами подразумевала между тем назидательность матери, вполне отдававшей себе отчёт в неравности статусов и преследовавшей цель оказания более эффективного влияния на него. Судя по сохранившимся письмам, сыновья обращались к ней исключительно на «Вы» и называли её не иначе как «любезная Маминька»⁶³ или «любезнейшая Маминька»⁶⁴. С одной стороны, такое обращение к матери считалось нормативным в дворянской культуре, с другой – свидетельствует о существовавшей дистанции между ней и детьми, которая могла носить не только этикетный, но и фактический характер. Примечательно, что одно из писем Григория Васильевича к Елизавете Николаевне было подписано им так:

⁵⁷ ГАТО. Ф. 1221. Оп. 1. Д. 89. Л. 3.

ГАТО, Ф. 1221, Оп. 1, Д. 89, Л. 3.

⁵⁸ Там же. Л. 5 об.

Ibid, L. 5 ob.

⁵⁹ Там же.

Ibidem.

⁶⁰ Там же. Л. 3.

Ibid, L. 3.

⁶¹ Лотман Ю. М. Очерк дворянского быта онегинской поры // Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: комментарий. Л., 1980. С. 40.

Lotman Ju. M., *Oчерk dvorjanskogo byta oneginskoj pory*, Lotman Ju. M., Roman A. S. *Pushkina «Evgenij Onegin»: kommentarij*, L., 1980, S. 40.

⁶² ГАТО. Ф. 1221. Оп. 1. Д. 89. Л. 10.

ГАТО, Ф. 1221, Оп. 1, Д. 89, Л. 10.

⁶³ Там же. Л. 11.

Ibid, L. 11.

⁶⁴ Там же. Л. 13.

Ibid, L. 13.

«Ваш послушный сын Г. Лихачев»⁶⁵. Очевидно, в отношениях с матерью послушание считалось неперенным качеством даже взрослого сына, что выдает иерархизацию между ними при материнском доминировании.

Тем не менее Е. Н. Лихачева ощущала заботу о себе сыновей и по обстоятельным письмам, в которых они сообщали ей о том, чем занимались («Я ныне вам не пишу подробно, потому что конца совершенно нет; а как его достигнем обо всем наиподробнее уведомлю»⁶⁶), и по небольшим «знакам внимания», оказываемым ей. Во время пребывания в Одессе Пётр Васильевич специально собирал морские ракушки, чтобы привезти их матери в качестве «сувенира» с юга: «... раковин я начал вам собирать; но те которые я насбирал ещё не довольно важны чтои то будет вперед»⁶⁷. В данном случае напрашивается культурологическая параллель с современностью. В массовом сознании неизменным атрибутом поездки «на юг» к морю вплоть до недавнего времени считалась связка привезённых домой ракушек. Вероятно, провинциальной дворянке, жившей в первой половине XIX в. в средней полосе России, ракушки представлялись не менее экзотическими предметами, чем обитательницам того же региона последней трети XX в.

Вместе с тем сыновнее «послушание» и «внимательность» к матери в немалой степени мотивировались целью получения от неё финансовой поддержки в случае материальных затруднений: «Так как я раз уже заехал в такую даль быть можит в другой раз не удасться побывать; мне хотелось быть все окуратнее видеть; а я боюсь чтоб моя казна в том мне не воспрепятствовала. Мой Скарибе не Немецом смотрит, ужасной мот и то и дело что просит у меня денег. А мне к кому прибегнуть чтоб вознаградить заново! ущерб как не к вам; и так прошу вас любезная маминька денженок (подчеркнуто автором. – А. Б.) в Георгиевск в Кавказской губернии, сколько вы заблагоразсудите...»⁶⁸. Понимая, что финансовые возможности матери не безграничны, и желая при этом «сохранить лицо», сын, в соответствии с требованиями этикета, выражал надежду на получение от неё как минимум очередного письменного известия: «... а если нет [денег] так одно письмецо, потому что я не привык так долго от вас не иметь никакого сведения...»⁶⁹. Беспокойство о матери в сочетании с доверием к собственным снам, выражающим архаичность дворянского менталитета, заключалось, например, в опасениях за её благополучие: «... а я верю снам и я что то дурное видел 12 на 13^e число боюсь что не случилось ли что неприятного у

⁶⁵ ГАТО. Ф. 1221. Оп. 1. Д. 89. Л. 13 об.

ГАТО, Ф. 1221, Оп. 1, Д. 89, Л. 13 об.

⁶⁶ Там же. Л. 13.

Ibid, L. 13.

⁶⁷ Там же. Л. 12.

Ibid, L. 12.

⁶⁸ Там же. Л. 12 об.

Ibid, L. 12 об.

⁶⁹ Там же.

Ibidem.

вас!»⁷⁰. Для сравнения замечу, что постоянная тревога за детей, как явствует из письма В. Шараповой, имевшей в виду Е. Н. Лихачеву, была перманентным эмоциональным состоянием матери⁷¹.

К сожалению, сохранилось всего одно письмо⁷², написанное непосредственно Е. Н. Лихачевой, и два документа⁷³, подписанные ею собственноручно. Тем не менее можно утверждать, что она была женщиной грамотной, получившей образование (правда, какое именно, уточнить не удаётся). Древнее дворянское происхождение и вступление в брак с представителем не менее древнего рода способствовали осознанию ею своей принадлежности в целом к родовитому российскому дворянству и важности обладания атрибутами причастности к определенному дворянскому роду. Официальные документы Елизавета Лихачева скрепляла не только собственноручной подписью, но и печатью с изображением родового герба⁷⁴, что, очевидно, являлось в её глазах своеобразным символом нерушимости данного ею обязательства, соблюдение которого гарантировалось авторитетом всего дворянского рода.

Итак, «структуры повседневности» в послебрачный период провинциальной дворянки вдовы Е. Н. Лихачевой определялись следующими ценностными приоритетами: религиозное благочестие (исповедование православия, упование на Бога, на милость и помощь Божию, молитва, дела милосердия); попечение о детях (воспитание, забота, нравственное назидание, соблюдение их имущественных интересов); разносторонняя экономическая деятельность (организация хозяйства в имении, винокурение, питейные сборы); реализация юридической правоспособности (подача прошений, взятие на себя обязательств, закладывание имений); моральный этос (любовь к ближним, самоотвержение, добросердечие, милосердие, рачительность как следствие знания о нуждающихся). Послебрачный период мог составлять существенную часть в жизненном цикле дворянок, характеризуюсь такими чертами, как повышенная предпринимательская активность и деятельный ресурс материнства. Причём материнство в этот период становилось смыслообразующим фактором экономического, культурного и социального аспектов повседневной жизни дворянской женщины.

Содержание паттерна материнства в послебрачный период как части репродуктивной культуры россиянок и как стратегии осознанного репродуктивного поведения выражало их сознательный отказ от неконтролируемой рождаемости, найденный ими легальный и общественно одобряемый

⁷⁰ ГАТО. Ф. 1221. Оп. 1. Д. 89. Л. 12 об.

ГАТО, Ф. 1221, Оп. 1, Д. 89, Л. 12 об.

⁷¹ Там же. Л. 10 об.

Ibid, L. 10 ob.

⁷² Там же. Л. 9–10 об.

Ibid, L. 9–10 ob.

⁷³ ТГОМ – КАШФ, РККД, КОФ № 6324. Д. 4. Л. 1; ГАТО. Ф. 1221. Оп. 1. Д. 91. Л. 1.

ТГОМ – КАШФ, РККД, КОФ № 6324, Д. 4, Л. 1; ГАТО, Ф. 1221, Оп. 1, Д. 91, Л. 1.

⁷⁴ ГАТО. Ф. 1221. Оп. 1. Д. 91. Л. 1.

ГАТО, Ф. 1221, Оп. 1, Д. 91, Л. 1.

способ предупреждения беременностей путем избегания повторного замужества и сексуального общения, которые заменялись родительскими, экономическими и религиозными приоритетами. По выходе из возраста фертильности некоторые из дворянок могли позволить себе удовлетворение сексуальных предпочтений посредством в том числе и вступления в новый брак, в котором с точки зрения репродуктивной безопасности им уже не грозила незапланированная беременность.

Список литературы:

1. *Белявский М. Т.* Сословия и сословный строй // Очерки русской культуры XVIII века: в 4 т. / под ред. Б. А. Рыбакова. М.: МГУ, 1987. Ч. 2: Государство. Право. Образование. Просвещение. 406 с.: ил. С. 21–43.
2. *Данилевский И. Н., Кабанов В. В., Медушевская О. М., Румянцева М. Ф.* Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М.: РГГУ, 1998. 702 с.
3. *Кабузан В. М.* Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. (По материалам ревизий). М.: «Наука», 1971. 190 с.
4. *Лотман Ю. М.* Очерк дворянского быта онегинской поры // *Лотман Ю. М.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: комментарий. Л.: Просвещение, 1980. 416 с. С. 35–110.
5. *Моисеева Г. Н.* Комментарии // Записки и воспоминания русских женщин XVIII – первой половины XIX века / сост., автор вступ. ст. и коммент. Г.Н. Моисеева. М.: Современник, 1990. 540 с.: ил. (серия мемуаров «Память»). С. 450–454.
6. *Нилус С.* Великое в малом: записки православного. Репринт. воспр. изд. 1911 г. Изд. Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1992. 352 с.: ил.
7. *Репина Л. П.* «Новая историческая наука» и социальная история. М.: ИВИ РАН, 1998. 278 с.
8. *Цатурова М. К.* Русское семейное право XVI–XVIII вв. М.: Юрид. лит., 1991.

MOTHERHOOD IN AFTER MARRIAGE PERIOD: REPRODUCTIVE BEHAVIOR OF RUSSIAN NOBLEWOMEN

A. V. Belova

The Tver' State University, The Department of General History, *Tver', Russia*

The article is an analysis of the unexplored problem of the motherhood in after marriage period as a deliberate strategy of reproductive behavior and of the everyday life of Russian noblewomen in the 18th – the middle of the 19th century. Basing on archival materials, unpublished and published sources of personal origin, publicistic and literary texts are analyzed the motives and perspectives of conscious refusal of re-marriage in the absence of contraception. Special attention is paid to the issue of the rejection of reproduction, the performance of maternal duties with respect to children from the first marriage and the traditional value orientations of noblewomen. Methodological ap-

proaches of the history of everyday life and gender history have allowed to rethink the influence of collective moral attitudes on the individual value system of the Russian noblewomen and implementation of its own method of birth control, which did not cause public condemnation. The author arrives at a conclusion that the avoidance of re-marriage and sexual intercourse was replaced by maternal, economic and religious priorities.

Keywords: *motherhood, reproductive behavior, reproductive culture, after marriage period, history of everyday life, women's everyday, women's history, gender, Russian noblewomen.*

Об авторе:

БЕЛОВА Анна Валерьевна – доктор исторических наук, заведующая кафедрой, кафедра всеобщей истории, Тверской государственный университет, (170100, Россия, Тверь, ул. Трёхсвятская, 16/31), e-mail: belova_tver@rambler.ru

About the author:

BELOVA Anna Valer'evna – the doctor of historical sciences, Head of the Department, the Department of General History, the Tver' State University, (170100, Russia, Tver', Trehsvyatskaya str., 16/31), e-mail: belova_tver@rambler.ru

References

- Beljavskij M. T., *Soslovija i soslovnyj stroj*, Očerki russkoj kul'tury XVIII veka, v 4 t., pod red. B. A. Rybakova, M., MGU, 1987, Ch. 2, Gosudarstvo. Pravo. Obrazovanie. Prosveshhenie, 406 s.: il. S. 21–43.
- Danilevskij I. N., Kabanov V. V., Medushevskaja O. M., Rumjanceva M. F., *Istochnikovedenie: Teorija. Istorija. Metod. Istochniki rossijskoj istorii*, M., RGGU, 1998, 702 s.
- Kabuzan V. M., *Izmenenija v razmeshhenii naselenija Rossii v XVIII – pervoj polovine XIX v. (Po materialam revizij)*, M., «Nauka», 1971, 190 s.
- Lotman Ju. M., *Očerok dvorjanskogo byta oneginskoj pory*, Lotman Ju. M., *Roman A.S. Pushkina «Evgenij Onegin»: kommentarij*, L., Prosveshhenie, 1980, 416 s. S. 35–110.
- Moiseeva G. N., *Kommentarii*, Zapiski i vospominanija russkih zhenshhin XVIII – pervoj poloviny XIX veka, sost., avtor vstup. st. i komment. G. N. Moiseeva, M., Sovremennik, 1990, 540 s.: il. (serija memuarov «Pamjat!»). S. 450–454.
- Nilus S., *Velikoe v malom: zapiski pravoslavnogo*, Reprint. vospr. izd. 1911 g., Izd. Svjato-Troickoj Sergievoj lavry, 1992, 352 s.: il.

Repina L. P., *«Novaja istoričeskaja nauka» i social'naja istorija*, М., IVI RAN, 1998, 278 s.

Caturova M. K., *Russkoe semejnoe pravo XVI–XVIII vv.*, М., Jurid. lit., 1991, 112 s.

Статья поступила в редакцию 13. 04. 2016 г.